

НА ДЕНЬ:

ОКИ
ОТОПРОЕКТ
РАКТИКА
КАКОГО ХАОСА

ДВА МИРА. ОДНА СЪЕМКА.
ОДНА ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ ИЗМЕНИТ ВСЕ.

ЭХО РАЗБИТЫХ НУЧЕЙ

ОН — ХАОС.
ОНА — ПОРЯДОК.

ИСКРА МЕЖДУ НИМИ
МОЖЕТ СЖЕЧЬ ВСЁ
ИЛИ СОЗДАТЬ НЕЧТО
НАСТОЯЩЕЕ.

МУЗЫКА.
СВОБОДА. ⚡
ПРАВДА.

НЕ БОЙСЯ ШУМА.
В НЁМ ТОЖЕ ЕСТЬ
КРАСОТА. ☆

АВРОРА МОЛОСТОВА

Аврора Молостова

Эхо разбитых ночей

<https://litres.ru/74265922>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Эхо Разбитых Ночей" – это история о Весте, прилежной и правильной школьнице-фотографе, чья упорядоченная жизнь переворачивается с ног на голову, когда ей поручают снять школьную рок-группу "Эхо Разбитых Ночей" под предводительством харизматичного и дерзкого Николаса Сэмюэла. Настя, изначально презиращая хаос и непокорность Ника, погружается в их мир бунтарской музыки и тайных приключений. По мере того, как их противоположные миры сталкиваются, Веста начинает открывать в себе новые грани, учится нарушать правила и находить красоту в творческом беспорядке. Сможет ли это неожиданное сотрудничество превратиться в гармоничную симфонию или обернется полным диссонансом?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аврора Молостова

Эхо разбитых ночей

Глава 1

Свет флуоресцентных ламп в коридорах старшей школы "Гринвуд" всегда казался Весте холодным и обнаженным, как правда, которую она так усердно искала в своей жизни. Каждая плитка пола была идеально выверена, каждый плакат на стене висел строго по центру, но даже в этом образцовом порядке Веста, Веста Весторова, ощущала какую-то фальшь. Ей было семнадцать, и ее жизнь после... после всего, была выстроена по строгому, нерушимому графику. Утро – идеальный завтрак, тщательно подобранная одежда (сегодня — строгая белая блузка и юбка-карандаш угольного цвета), школа, дебатный клуб, дополнительные занятия, вечером – чтение, планирование, сон. Шаг в сторону был равносильным катастрофе.

Она шла по коридору, сжимая в руке стопку безупречно оформленных отчетов для школьного совета. Ее темно-русые волосы были собраны в тугий хвост, ни одна прядь не смела выбиться. Глаза, цвета зимнего неба, изучали окружающий мир с легким прищуром, словно ища изъяны. Она была президентом дебатного клуба, лучшей ученицей потока и,

по мнению многих, "снежной королевой" Гринвуда. Образцовой до отторжения.

Веста глубоко вдохнула, пытаясь отогнать легкую головную боль, вызванную нехваткой сна. Вчера она допоздна работала над своей презентацией для школьной комиссии по этике. По иронии судьбы, эта комиссия должна была решить, как справиться с растущим числом инцидентов вандализма и нарушения правил. Имя виновника большинства этих инцидентов звучало в ее голове как назойливый зуд.

И словно по дьявольскому замыслу, именно в этот момент из-за угла вывернул он.

Ник. Николас Сэмюэл. Восемнадцатилетний ураган, обрушивающийся на каждый уголок их стерильной школы. Его растрепанные черные волосы падали на глаза, которые, Веста признавала с неохотой, были глубокими, как темное озеро, и пронзительными. Потрепанная кожаная куртка была наброшена поверх футболки с какой-то провокационной надписью, джинсы рваные на коленях. С ним всегда шел шлейф свободы, опасности и запаха сигарет, даже если он не курил. Ухмылка на его губах, казалось, была приклеена намертво, выражая пренебрежение ко всему на свете. Сейчас он нес гитару в потертом чехле, закинув ее на плечо, и болтал с парой своих приятелей, которые хихикали над чем-то.

Их взгляды встретились.

За одну долю секунды в голубых глазах Весты вспыхнул холодный гнев, а в темных глазах Ника — искорка вызо-

ва. Между ними, казалось, проскочил электрический разряд, мгновенно сгущая воздух.

Год. Прошел ровно год с того проклятого вечера, когда ее будущее буквально рассыпалось на части из-за его пьяной выходки. Он не просто разгромил кабинет. Он уничтожил часть ее души, выплеснутой на холсты, лишив ее единственного утешения и шанса вырваться из этого города. И он, Ник, ни разу даже не извинился по-настоящему. Его "извинения" были лишь очередным саркастическим замечанием, брошенным через плечо.

"Снежная королева," — его губы беззвучно прошептали это прозвище, и ухмылка на его лице стала еще шире.

Веста лишь сильнее сжала отчеты, ее ногти впились в бумагу. Она подняла подбородок, обходя его широкой дугой, игнорируя его присутствие с такой интенсивностью, что это было красноречивее любых слов.

Николас, казалось, получил удовольствие от ее реакции. Он лениво наблюдал за ней, пока она не скрылась за поворотом, а затем снова повернулся к друзьям, что-то им говоря, от чего те снова расхохотались. Веста была уверена, что она стала темой их шуток.

Накануне главного мероприятия "Комитета по этике и творчеству" происходит очередной кризис. Может быть, бывшая девушка Николаса или соперник Весты пытаются подставить их, распространив компрометирующие слухи об их ночных встречах или испортив подготовленные матери-

алы. Веста и Ник оказываются под огнем общественного осуждения. Ник, чтобы защитить Весту, готов взять всю вину на себя. Но Веста, впервые по-настоящему верящая кому-то, публично встает на его защиту, раскрывая часть своей уязвимости и признавая, что они работали вместе, и что он не тот человек, каким его все считают. Это становится ее главным выступлением.

После этого, перед всей школой или во время их совместного выступления, Николас берет микрофон и, отложив свои обычные шутки, поет песню, которую он написал, вдохновленный Вестой. Это песня о разбитых ночах, о поиске света в хаосе и о том, как Веста стала этим светом для него. Веста, слушая его, понимает, что ее мир теперь не черно-белый, а полон ярких, непредсказуемых цветов, которые привнес Николас.

Их выступление или проект становится триумфом, но главное – они находят друг друга. Николас не меняется полностью, но начинает находить новые, здоровые способы выражения себя и своей боли, вдохновленный верой Весты. Веста учится отпускать контроль, доверять и позволять себе чувствовать, понимая, что истинная сила не в порядке, а в способности принять хаос и любовь.

Они начинают встречаться, и их отношения полны страсти, вызовов и глубокого понимания. Их физическая близость становится отражением эмоциональной, построенной на преодолении боли и обретении доверия. Они оба понима-

ют, что их любовь не была легкой, но именно через ненависть и взаимные раны они смогли увидеть друг в друге то, что никто другой не видел – истинные, исцеляющие души. Их история становится легендой школы о том, как самые темные ночи могут породить самый яркий рассвет.

Она вошла в кабинет директора, отстранив неприятные мысли. Директор Гарднер, пожилой мужчина с усталым взглядом, приветливо улыбнулся.

— Веста, как всегда пунктуальна. Твоя презентация для комиссии?

— Да, мистер Гарднер. Я уверена, мои предложения помогут решить проблему.

— Я не сомневаюсь, — директор вздохнул. — Однако... есть некоторые новости, которые могут изменить ход событий.

Веста нахмурилась. Любые изменения в плане ее раздражали.

— В связи с возрастающим числом инцидентов и общей напряженностью среди учеников, школьный совет принял решение о создании нового органа. "Комитета по этике и творчеству". Его задача — наладить диалог, найти способы выражения энергии учеников в конструктивном русле и организовать общешкольное мероприятие, которое сплотит всех.

— Отличная идея, мистер Гарднер, — Веста кивнула. — Я готова возглавить его. Моя презентация как раз...

— Подожди, Веста. Ты будешь сопредседателем.

Ее сердце пропустило удар. "Сопредседателем"? Это означало делить контроль, что было для нее невыносимо.

— А кто будет вторым? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно.

Директор Гарднер откашлялся, избегая ее взгляда.

— Мы решили дать шанс... всем. И показать, что даже самые проблемные ученики могут быть частью решения.

Дверь кабинета директора распахнулась, и на пороге, как всегда с опозданием и наглой ухмылкой, появился Николас.

— Вызывали? Извините, пришлось отбиваться от фанаток.

В его руке был помятый стаканчик из-под кофе, а на скуле виднелся небольшой синяк.

Веста почувствовала, как по ее венам вместо крови потек жидкий азот.

Директор Гарднер, по-видимому, решил игнорировать опоздание Ника.

— Николас, рад, что ты смог присоединиться. Веста, Ник, поздравляю. Вы назначены сопредседателями "Комитета по этике и творчеству".

Ник бросил взгляд на Весту, и его ухмылка исчезла, сменившись выражением чистого шока, а затем и ярости. Он так же, как и она, ощущал эту иронию судьбы как жестокую насмешку.

Веста же почувствовала, как ее тщательно выстроенный

мир начинает трещать по швам. Ей придется работать с ним. С человеком, который олицетворял весь хаос, который она так отчаянно пыталась избежать.

— Что? — выдохнул Ник, а затем рассмеялся, но в этом смехе не было веселья, только горечь. — Это какая-то шутка?

— Никаких шуток, — твердо сказал директор Гарднер, его усталый взгляд стал жестким. — Это ваша общая задача. И предупреждаю: если проект провалится, Веста, ты лишишься всех внеурочных занятий, что повлияет на твои рекомендации. А Николас... Ник, тебе грозит отчисление.

Веста и Ник снова посмотрели друг на друга. В их глазах не было ничего, кроме глубокой, взаимной ненависти и осознания того, что теперь они заперты в одной клетке.

Глава 2

Тишина в кабинете директора Гарднера была такой густой, что ее можно было резать ножом. Николас, тяжело опустившись на стул напротив Весты, медленно потягивал свой уже остывший кофе. Синяк на его скуле казался темнее, чем обычно, подчеркивая угрюмое выражение лица. Веста же стояла, скрестив руки на груди, ее поза выражала такое ледяное спокойствие, что, казалось, ее могли окружить северные льды.

— Итак, — директор Гарднер, казалось, ощущал напряжение, исходящее от них, — вам необходимо разработать план мероприятий. Первое заседание "Комитета по этике и творчеству" состоится завтра после уроков, в комнате для совещаний. Помните о ставках. Я надеюсь, вы оба достаточно зрелы, чтобы отложить личные разногласия ради общего блага школы.

Веста лишь кивнула, ее губы были сжаты в тонкую линию. Ник фыркнул, подняв бровь.

— Зрелы? Да, мистер Гарднер. Но это не отменяет того факта, что я скорее буду рыть окопы ложкой, чем работать с этой... Снежной королевой.

— А я, Сэмюэл, предпочту вечное заточение, чем делить ответственность с безответственным хамом, который не способен отличить холст от туалетной бумаги, — парировала

Настя, ее голос был низким и опасным.

Директор устало потер переносицу.

— Достаточно! Завтра. После уроков. Без опозданий, Николай. И без срывов, Веста.

Они покинули кабинет, не проронив больше ни слова, но их ненависть ощущалась почти физически.

На следующий день Веста прибыла в комнату для совещаний ровно за десять минут до назначенного времени. Стол был убран, доска вымыта, маркеры лежали аккуратной стопкой. Она разложила свои блокноты, ручки, папку с предложениями, которые она успела подготовить за ночь. Все было идеально, как всегда.

Николас появился через пятнадцать минут после начала. Он вошел, небрежно толкнув дверь плечом, в руках у него была банка газировки и слегка помятый стаканчик с чем-то похожим на смузи. Его волосы были еще более растрепаны, чем обычно, а на лице играла все та же наглая ухмылка.

— Опа, я смотрю, вечеринка уже началась без меня, — он плюхнулся на стул, откинувшись на спинку. — Неужели кто-то подумал, что я правда приду вовремя?

— Ты опоздал на пятнадцать минут, Сэмюэл, — сухо констатировала Настя, не отрываясь от своих бумаг.

— Ну да, пробки были, — он отпил из банки. — В головах у некоторых, видимо.

— Мы тут не для сарказма, а для работы, — она подняла на него ледяной взгляд. — У меня есть разработанный план.

Она пододвинула к нему распечатанный документ, где все было расписано по пунктам: цели, задачи, бюджет, сроки.

Ник взял бумагу, пробежал по ней взглядом, а затем издал долгий, театральный зев.

— О-о-о, "анализ ситуации", "стратегическое планирование", "оптимизация ресурсов". Скучно. У меня глаз чуть не выпал. Ты что, к заседанию ООН готовишься?

— Я готовлюсь к выполнению порученной задачи, Сэмюэл, — Веста сжала кубы челюсти. — В отличие от некоторых, я воспринимаю это серьезно.

— Конечно, серьезно. У тебя же на кону твои драгоценные рекомендации, которые позволят тебе сбежать из этого захолустья в свой университет для зануд, — его голос стал едким. — А что мне? Отчисление? Мне все равно.

— Если тебе все равно, какого черта ты здесь? — она вскочила, ударив ладонью по столу. — И если ты настолько равнодушен, почему ты не бросил школу давно?

Ник откинулся на стуле, его глаза сузились.

— А вот это, Весточка, уже не твое собачье дело.

Веста глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Он специально ее провоцировал.

— Хорошо. Мои предложения основаны на выявлении корневых причин проблем, таких как отсутствие организованного досуга...

— Отсутствие организованного досуга? — он снова рассмеялся, подавившись газировкой. — Веста, ты серьезно?

Проблемы не в том, что школьники не знают, как организовать свой досуг. Проблемы в том, что им скучно. Что их заставляют следовать правилам, которые они не понимают, и быть теми, кем они не хотят быть.

Он наклонился вперед, его глаза пронзили ее.

— Им нужно выплеснуть пар. Им нужен настоящий движ, а не твои скучные дебаты и кружки по оригами. Им нужен вызов.

— Вызов? Ты предлагаешь устроить драку в школьном спортзале, чтобы они "выплеснули пар"? — она саркастично изогнула бровь.

— Нет, умница, — его голос стал тише, но не менее язвительным. — Я предлагаю фестиваль. Музыки. Искусства. Свободы. Где каждый может показать себя, а не прятаться за фальшивой улыбкой.

Настя скривилась.

— Фестиваль? С кем? С твоей подвальной группой, которая играет так громко, что стекла дрожат? С твоими друзьями, которые умеют только рисовать граффити на стенах?

— А чем тебе граффити не искусство? — Ник выпрямился, и впервые в его голосе прозвучали нотки чего-то, кроме сарказма. — Ты вообще хоть раз видела, что я рисую? Или ты сразу нацепила на меня ярлык "вандала"?

Веста замерла. Она действительно не видела его "искусства" после того случая. Она не хотела видеть.

Он вытащил из рюкзака блокнот для эскизов, обложка ко-

торого была потерята и испачкана краской. С легким вызовом он бросил его на стол.

— Смотри. Только не поранься от прикосновения к чему-то... неидеальному.

Веста с неохотой взяла блокнот. На первых страницах были наброски уличных сцен, портреты людей с улицы, полные боли и жизни, а затем... затем пошли эскизы, которые были наполнены необузданной энергией. Дикие, яркие, иногда мрачные, но всегда глубокие. Она увидела детали, которые он мог бы превратить в что-то невероятное, если бы только... если бы не его хаотичная натура.

В одном из эскизов был изображен старый, заброшенный склад, стены которого были покрыты яркими, сюрреалистичными фресками. Рядом с ним была фигура человека, обхватившего колени, его голова была опущена, но над ним расцветало дерево с листьями из битого стекла. Это было... мощно. И пронзительно.

Она подняла на него глаза. Впервые она увидела не просто хулигана, а что-то... другое. Глубокое.

Влад, заметив ее реакцию, не упустил случая.

— Ну что, Снежная Королева? Или даже твои ледяные мозги способны признать, что это не просто "мазня"?

Настя захлопнула блокнот.

— Это... это талант. Бесполезный, если ты не знаешь, как им распорядиться. Мой план даст тебе структуру. Твоему хаосу нужна форма.

— Моему хаосу нужна свобода, а не твоя смирительная рубашка из правил, — отрезал Николас. — И мне не нужна твоя структура, чтобы выразаться. Мне нужна только чистая... — он запнулся, ища слово, — ... чистая правда.

Они снова смотрели друг на друга. На этот раз в их взглядах промелькнуло нечто большее, чем просто ненависть. Веста увидела искру неукротимой страсти в его глазах, а Ник — мимолетное, почти невидимое любопытство в ее. Она оттолкнула от себя его блокнот, словно обжигаясь.

— Это не повод устраивать дебош. В любом случае, фестиваль — это слишком масштабно и слишком хаотично. Мы должны начать с малого. С упорядоченных мероприятий.

Они спорили еще час. Веста настаивала на мастер-классах по ораторскому искусству и школьной благотворительной ярмарке. Николас — на "битве групп", открытой сцене для стихов и стендапа, и создании гигантской фрески на стене спортзала. Каждый пункт ее плана он высмеивал, каждый его — она разносила в пух и прах.

— Значит, мы никуда не продвинулись, — Веста встала, собирая свои бумаги. Ее голос был напряженным. — Я доложу директору, что ты саботируешь работу комитета.

— А я доложу, что ты пытаешься превратить нас в армию роботов, лишенных искры жизни, — Николас тоже поднялся, его взгляд был столь же опасен. — И что твои методы приведут только к еще большему бунту.

Они стояли друг напротив друга, всего в нескольких футах, но между ними пролежала целая пропасть. Напряжение было почти осязаемым, и воздух, казалось, вибрировал от их скрытой ярости.

— Нам нужно найти компромисс, — выдохнула Веста, ненавидя саму себя за это признание.

— Компромисс? — Ник прищурился. — Между огнем и льдом? Удачи, Снежная Королева. Я думаю, это будет долго. И очень горячо.

Он вышел из комнаты, оставив Весту одну в почти идеальном, но таком душном порядке, который она сама и создала. Впервые за долгое время она почувствовала себя совершенно растерянной. Ее идеальный мир трещал по швам. И Николас Сэмюэл был той трещиной, которая грозила разрушить все до основания.

Глава 3

Наутро после провального заседания, директор Гарднер вызвал их обоих к себе. Его лицо было бледнее обычного, а взгляд стал еще более усталым. Веста и Ник стояли перед его столом, словно два непримиримых полюса, между которыми искрил воздух.

— Я не просил вас устраивать словесную дуэль, — голос директора был тих, но в нем слышалась стальная нота. — Я просил вас найти общее решение. И судя по моему вчерашнему разговору с Вестой... и по вашему, Николас, пренебрежительному отношению к процессу, вы провалились.

Ник лишь пожал плечами, делая вид, что ему все равно. Веста сжала губы, понимая, что ее репутация тоже под угрозой.

— У вас есть одна неделя, — продолжил Гарднер, — чтобы предоставить мне единый, согласованный план. Не два отдельных, не список претензий друг к другу, а полноценную программу мероприятий. Если вы не сможете этого сделать, мои угрозы обретут реальные очертания. Веста, твои рекомендации будут под большим вопросом. Николас, ты будешь отчислен. И это не обсуждается.

Его взгляд задержался на каждом из них.

— Теперь идите и работайте. Вместе.

Они вышли из кабинета директора, и напряжение между

ними, казалось, возросло до предела.

— Отлично, Сэмюэл, — процедила Веста, — теперь из-за тебя мы оба в дерьме.

— Из-за меня? — Ник остановился, развернувшись к ней. — Это ты со своими скучными планами пыталась загнать всех в рамки. Может, если бы ты хоть раз подумала о том, что интересно обычным людям, а не твоим книгам, мы бы уже что-то придумали.

— А может, если бы ты хоть раз в жизни подумал головой, а не своим... — она осеклась, не желая опускаться до его уровня. — Мои планы логичны и эффективны. Твои — это хаос, который приведет к разрушениям.

— Хаос, который, возможно, покажет, что школа — это не только оценки и правила, но и место, где можно быть собой, — пробормотал Ник, отворачиваясь.

Остаток дня Веста пыталась сосредоточиться на уроках, но мысль о Нике свербела в голове. Как ей работать с человеком, который был полной ее противоположностью?

Следующие два дня были пыткой. Веста предлагала встретиться в библиотеке, в тихой аудитории. Ник являлся, опаздывал, сидел, развываясь на стуле, и либо отпускал едкие комментарии, либо игнорировал ее, рисуя что-то в своем блокноте. Когда Веста пыталась заглянуть, он тут же захлопывал его.

Они не продвинулись ни на шаг. Единственное, что удалось согласовать — это дату школьного форума, где они долж-

ны были представить свои идеи ученикам, чтобы собрать мнения. Это было их последней попыткой хоть как-то показать активность директору.

День форума. Веста стояла за трибуной в актовом зале. Зал был заполнен учениками, которые пришли либо по настоянию учителей, либо из любопытства посмотреть на "шоу" между Весты Весторовой и Николасом Сэмюэл. Веста держалась идеально: прямая спина, уверенный взгляд, стопка аккуратно распечатанных тезисов.

— Уважаемые ученики, учителя, — начала Веста, ее голос звучал чисто и отчетливо, — мы, "Комитет по этике и творчеству", были созданы для того, чтобы улучшить атмосферу в нашей школе, найти новые способы выражения и...

Она представила свои идеи: серию тематических лекций по этикету, интерактивные семинары по развитию критического мышления, "Неделя добрых дел" с благотворительной ярмаркой и конкурс эссе на тему "Будущее Гринвуда". Все было логично, структурировано, академично. Она объяснила каждый пункт, приводя доводы и ожидаемые результаты.

Ученики слушали. Некоторые кивали. Многие выглядели откровенно скучающими. Шепот пробежал по залу, а где-то сзади кто-то тихонько хихикал. Веста почувствовала, как к ее лицу приливает жар, но она продолжала, не сбиваясь.

— ...Таким образом, эти мероприятия позволят нам повысить уровень академической успеваемости и гражданской ответственности.

Она закончила, ожидая вопросов. Рук было мало.

Затем настала очередь Ника. Он лениво подошел к трибуне, засунув руки в карманы потертых джинсов. Никаких бумаг, никаких заготовленных речей. Просто он сам, со своей наглой ухмылкой и растрепанными волосами.

— Ну что, народ, — его голос был низким и хриплым, без тени официальности. — Думаю, вы только что прослушали отличную презентацию о том, как загнать себя в еще большую депрессию.

По залу прокатился смешок. Веста, стоявшая рядом, гневно сжала кулаки.

— Весторова хочет сделать из вас роботов, которые будут делать домашку и улыбаться по расписанию, — продолжал Ник, не обращая на нее внимания. — А я хочу, чтобы вы почувствовали, что вы живые.

Он снял с плеча свою гитару, которая была при нем даже в актовом зале, и положил ее на трибуну.

— Моя идея простая: школьный фестиваль "Голос Гринвуда". Неделя, где каждый может показать себя. Хочешь петь? Вот тебе сцена. Хочешь рисовать? Вот тебе стена. Хочешь писать стихи? Пожалуйста. Хочешь танцевать? Да хоть на головах стоять!

Он сделал паузу, оглядывая зал. В его глазах горел огонь.

— Мы сделаем открытую сцену. Битву музыкальных групп. Выставку уличного искусства. Мастер-классы по граффити и диджеингу. Мы преобразим скучные школьные

стены. Мы покажем, что у Гринвуда есть не только правила, но и *душа*. И эту душу можете создать только вы сами.

Шепот в зале усилился. На этот раз это был шепот возбуждения. Лица учеников оживились, некоторые начали энергично кивать.

— Но... но это же хаос! — не выдержала Веста, ее голос дрогнул. — Это приведет к новым нарушениям!

Влад повернулся к ней, его ухмылка стала еще шире.

— Хаос, Весточка, это лишь неупорядоченная энергия. А мы эту энергию направим в нужное русло. Только не твоим скучным лекциями, а тем, что реально зажигает.

Он поднял гитару и резко ударил по струнам, извлекая мощный аккорд. Звук эхом разнесся по залу, заставив некоторых подпрыгнуть от неожиданности, а других — восторженно закричать.

— Кто со мной? Кто хочет, чтобы Гринвуд стал местом, где можно быть собой, а не просто прилежным учеником?

Почти половина зала взорвалась аплодисментами и одобрительными криками. Веста смотрела на эту реакцию с ужасом. Он только что подорвал всю ее работу, ее авторитет, и, похоже, захватил внимание всей школы.

После форума Веста была в ярости.

— Ты что себе позволяешь, Сэмюэл? Мы должны были представить *единый* план! А ты устроил тут цирк!

— Цирк, который понравился народу, — Ник довольно усмехнулся, убирая гитару в чехол. — В отличие от твоей

презентации, которая усыпила бы даже самого энергичного наркомана.

— Это безответственно! Это только поощрит беспорядок!

— Веста едва сдерживала крик.

— А твоя идеальная скукота поощрит бунт, потому что рано или поздно все рванет, если держать это в себе, — возразил Ник, его тон стал серьезнее. — Поверь, я знаю, о чем говорю.

Веста побледнела. Она знала, что он говорит о том самом вечере год назад. Вечере, когда он рванул.

Они стояли посреди опустевшего зала, их взгляды снова столкнулись. На этот раз в глазах Весты был не только гнев, но и страх. Страх перед его неконтролируемой энергией и перед тем, как легко он может очаровать толпу. Страх, что его "свобода" снова приведет к разрушениям.

Ник, заметив ее реакцию, впервые заговорил без сарказма, его голос стал чуть тише.

— Послушай, я знаю, что ты меня ненавидишь. И я тебя тоже не особо люблю, Снежная Королева. Но нам нужно что-то делать. Директор не шутит.

— И что ты предлагаешь? — ее голос был резким. — Устроить хаос, а потом убирать его последствия?

— Нет. Я предлагаю взять лучшее из наших идей, — он неожиданно протянул ей руку, жест был настолько несвойственен ему, что Веста вздрогнула. — Я знаю, ты умеешь все идеально планировать. А я знаю, как зажечь. Может, если мы

объединимся, получится нечто, что не будет ни скучным, ни разрушительным.

Веста смотрела на его протянутую руку, на его темные, пронзительные глаза, в которых сейчас не было насмешки, а лишь вызов и странная, непривычная искренность. Прикосновение к нему казалось опасным, как прикосновение к огню. Но отказ означал поражение.

Она медленно протянула свою руку, и их пальцы соприкоснулись. Тепло его кожи было неожиданным и ощутимым.

— Всего лишь компромисс, Сэмюэл, — тихо сказала Веста, пытаясь унять дрожь. — Не мир.

Николас едва заметно кивнул, его ухмылка снова появилась, но на этот раз она была не такой злой, а скорее... предвкушающей.

— Компромисс, Весточка. Довольно опасный компромисс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.